

УДК 398.21

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК:
ЛОКАЛЬНЫЕ, КОНТАМИНИРОВАННЫЕ И ОБРАМЛЕННЫЕ СЮЖЕТЫ***Б. Б. Горяева*

Своеобразие сказочной и, шире, фольклорной традиции любого народа прежде всего проявляется в ее сюжетном составе. В сюжетах волшебных сказок «национальная специфика ощущается особенно конденсировано: в отборе излюбленных сюжетов, в образах положительного героя, в личинах сказочных чудовищ, в конкретных сказочных формулах» [Померанцева 1963: 71].

Предметом исследования настоящей статьи выступает сюжетный состав калмыцкой волшебной сказки как показатель специфики художественной традиции калмыцкого народа. Материалом для исследования послужили тексты калмыцких народных сказок, которые издавались на протяжении XIX–XX вв. на «ясном письме» (*тодо бичг*), в транскрипции на латинице и в современной калмыцкой орфографии. Из неопубликованных источников были привлечены записи, хранящиеся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее — КИГИ РАН), и полевые записи автора. Заметим, что использовались также наиболее достоверные в научном отношении публикации калмыцких сказок в русском переводе.

В основу исследования положены историко-сравнительный и историко-типологический методы, которые выступают как наиболее приемлемые для выявления сюжетов калмыцкой волшебной сказки и их соответствий со сказками других народов. При этом анализ сосредоточен на выявлении своеобразия, рассмотрении специфики контаминации¹ и интерпретации международных сюжетов в калмыцкой сказочной традиции, выявлении локальных сюжетов, аналогии с которыми в фольклоре других народов неизвестны.

В калмыцкой фольклористике накоплен определенный опыт в изучении сюжетного фонда волшебных сказок: так, в соответствии с «Указателем сказочных сюжетов по системе Аарне», составленным Н. П. Андреевым, классифицированы сказочные сюжеты сборников «На-

родное творчество Калмыкии» [1940: 296–305] и «Медноволосая девушка» [1964: 265–270]. Рассмотрев калмыцкие сказки по этой системе, М. Э. Джимгиров сделал в свою очередь вывод о том, что часть калмыцких сказочных сюжетов не имеет аналогов в указанном выше указателе [Джимгиров 1970: 23]. Были идентифицированы по «Указателю сказочных типов» А. Аарне — С. Томпсона, «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева сказки, вошедшие в сборник «Сандаловый ларец» [Сандаловый ларец 2002: 225–229].

В центре нашей работы находится сюжетный состав калмыцкой волшебной сказки, который сопоставляется с восточнославянской сказочной традицией по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (далее — СУС) [Сравнительный указатель 1979] с учетом результатов вышеперечисленных исследований. Особое внимание уделено при этом характеристике локальных сюжетов, не нашедших соответствия в СУС, сюжетным контаминациям и обрамленным сюжетам из фольклорного сборника «Седклин күр» («Задушевный разговор») [1960].

Анализ материала исследования показывает, что в состав калмыцкой волшебной сказки входят сюжеты всех семи разделов волшебной сказки по СУС, основанного на международном указателе сказочных сюжетов А. Аарне — С. Томпсона [Томпсон 1961] (см. результаты анализа в таблице).

При сопоставлении с СУС, представляющим более отдаленную в территориальном и культурном смыслах сказочную традицию, удалось установить, что в калмыцкой сказочной традиции в разной степени представлены все семь сюжетных типов из международного указателя. В результате анализа установлены специфика интерпретации и дифференцирующие элементы сюжетов калмыцкой волшебной сказки, связанные со своеобразием художественной традиции калмыцкого народа.

При рассмотрении контаминированных сюжетов совпали лишь два типа

¹ О специфике контаминации в калмыцкой волшебной сказке см. подробно [Горяева 2006: 68–90; 2009а; 2010].

Сюжеты калмыцкой волшебной сказки и «Сравнительный указатель сюжетов»

Раздел СУСа	Сюжеты	Сюжетные контаминации
Чудесный противник (300–399)	301 А, В Три подземных царства; 313 А, В, С Чудесное бегство; 315 Звериное молоко; 318 Неверная жена; 325 Хитрая наука; 327 С Мальчик и ведьма	301 А Три подземных царства + 519 Слепой и безногий; 313 Н* Бегство от ведьмы + 707 Чудесные дети; – 327 В** 24 брата и 24 невесты + 513 А Шесть чудесных товарищей; 329 Елена Премудрая + 554 Благодарные животные
Чудесный супруг (супруга или иной родственник) (400–459)	400, Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа); частичное соответствие (409) Мать-рысь	480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена; 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена
Чудесная задача (460–499)	460 А Путешествие к богу за наградой; 460 В Путешествие к солнцу (судьбе); 465 А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)	465 А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда») + 569 Сумка, шляпа и рожок; 480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена
Чудесный помощник (500–559)	508 Благодарный мертвец; 513 А Шесть чудесных товарищей; 518 Обманутые лешие; 530 Сивко-Бурко; 531 Конек-горбунок; – 559* Молчаливая царица	510 А Золушка + 409 Мать-рысь; 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена, 511 Чудесная корова + 480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена; 530 Сивко-Бурко + 519 Слепой и безногий; 530 Сивко-Бурко + 530 А Свинка золотая цетинка; 551 Молодильные яблоки + 460 В Путешествие к солнцу; 329 Елена Премудрая + 554 Благодарные животные
Чудесные предметы» (560–649)	560 Волшебное кольцо; 563 Чудесные дары; 569 Сумка, шляпа и рожок; – 571* Магическое слово; 612 Оживленная неверная жена	567 Чудесная птица + 518 Обманутые лешие
Чудесная сила или знание (умение) (650–699)	650 В Герой ищет противников сильнее себя; 653 Семь Симеонов; 655 Умные братья; 670 Язык животных; 675 «По щучьему велению»	655 Умные братья + 653 Семь Симеонов; 655 Умные братья + – 559* Молчаливая царица
Прочие чудесные сказки (мотивы) (700–749)	700 Мальчик с пальчик (Горошек, Воловье ушко); 706 Безручка; 707 Чудесные дети; 715 А* Чудесный петушок и царь	

сюжетных контаминаций калмыцкой и восточнославянской волшебных сказок: 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена; 530 Сивко-Бурко + 530 А Свинка золотая цетинка.

Можно заключить, что наиболее частые и традиционные соединения сказочных типов в одном сюжете являются таким же важным показателем специфики сказочного репертуара калмыцкого народа, как и на-

личие или отсутствие в нем тех или иных сюжетов.

Произведения с оригинальными сюжетами составляют особую разновидность сюжетов калмыцких волшебных сказок, не нашедших соответствий в СУС. Их появление обусловлено особенностями истории и духовной культуры калмыков, связанными со своеобразным мировосприятием и мироощущением калмыков. Так, в сказочной традиции калмыков распространен локальный сюжет, не нашедший отражения в СУС. Приведем его краткое содержание:

Хан женится на девушке, родившейся от дикого животного. Поверив козням других своих жен, он приказывает убить молодую супругу. Слуги не выполняют приказа, и девушка после долгих скитаний возвращается к хану. Обман раскрывается, виновные наказываются, а девушка вновь становится женой хана.

В сборнике «Волшебный мертвец» героиней подобного сюжета в сказке «Царица Энгетю-Наран» является дочь лани и отшельника. «Девушка — дочь лани и отшельника; легенды о связи, часто невольной и случайной, отшельников, царей или каких-нибудь других лиц с лесными зверями очень распространен в древнеиндийской литературе», — пишет Б. Я. Владимирцов [Владимирцов 1958: 101].

Отшельник дарит девушке, новой жене хана, четки, наказывая никогда не снимать их. Одна из жен царя подслала девушку-танцовщицу, которая подменила священные четки и, убив царских слона, коня и сына, вымазала их кровью рот новой ханши. Попугай царя рассказывает ему притчу «О пастухе и вороне». Этой притчей попугай предотвратил расправу над царицей. Во второй раз птица рассказала историю «О старухе и мышке»: Женица, увидев испачканную кровью мышку, подумала, что она загрызла ее ребенка, и убила мышку. Войдя в дом, она убедилась, что ребенок ее спит, а рядом лежит ядовитая змея, убитая мышкой. Рассказав эту историю, попугай сохранил жизнь царице. В третий раз царь не стал слушать попугая и передал жену в руки палачей, которые не смогли убить девушку. Царь и министр узнают правду из исповеди девушки-танцовщицы перед царицей, ставшей йогиней, и наказывают танцовщицу и подлую царицу. Царь оставляет престол и становится монахом [Волшебный мертвец 1958: 97–107].

Сказка «Хан Наран-Арслан» из репертуара А. З. Кутуктаевой сходна по своему сюжету с приведенной выше сказкой [Медноволосая девушка 1964: 90–101]. В архиве КИГИ РАН имеется фотокопия рукописного текста сказки «Нарн хаана тууль» («Сказка о Наран хане») на ясном письме, схожей с вышеуказанными сюжетами [Архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 82].

В ходе анализа материала исследования не было обнаружено ни одного сюжета в СУС, соответствующего «Сказке про мальчика-сиротку и жадного сына хана», записанной И. И. Поповым от Кюгюльтэ Цединова в Донском калмыцком районе (ныне Ростовская область): *Мальчик-сиротка с помощью волшебной жилки проучил жадного сына хана, в руках которого жилка не выполняла желаний.*

Рассмотрим еще один локальный сюжет, имеющий широкое распространение в калмыцкой сказочной традиции и не нашедший соответствия в СУС:

Шулмуска, обманом заняв место ханши, пытается известить детей хана. Слуга хана, пожалев их, отпускает и вместо печени и почек детей приносит мнимой больной шулмуске собачьи печень и почки. Сын и дочь хана спасаются бегством, живут у родственников матери. Повзрослев, сын убивает шулмуску и спасает от смерти отца [Седклин күр 1960: 53–58].

Перевод данной сказки опубликован в сборнике «Медноволосая девушка» [Медноволосая девушка 1964: 160–167]. В четвертом томе «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») имеется сказка «Жижларам шулм куукн» («Девушка-шулма Джиджларам»), сюжет которой сходен с вышеприведенным [Хальмг туульс 1974: 66–71].

Сказка «Жирклүлдгсн хурдн зеердтэ Жирһлтэ хатр хан» по сравнению с этим сюжетом несколько расширена за счет следующих эпизодов: по совету шулмуски, сестра отправляет брата за табуном из подводного царства; сестру убивают две шулмуски, воткнув в нее цыганскую иглу; ханский сын оживляет ее и берет в жены [Хальмг туульс 1974: 31–40]. Интересно, что в сборнике, составленном Г. Рамстедтом, сказка на этот сюжет приобретает легендарный характер.

Пятьсот шулмусов отдают свои силы одному для того, чтобы известить богиню, благодаря которой ханство пребывало в благоденствии. Шулмус принимает облик

красивой девушки и, став женой хана, пытается известить его детей. Сын Аю Чиктэ, повзрослев, возвращается на родину, убивает шулмуса, который питался человеческим мясом и пил кровь хана [Kalmukische Sprachproben 1919: 211–237].

Помимо локальных сюжетов, не имеющих аналогий в СУС, в калмыцкой сказочной традиции имеются так называемые обрамленные сюжеты, объединенные единой рамочной композицией и также отражающие локальную специфику калмыцких народных сказок.

Термин «обрамленная повесть» введен в научный оборот П. А. Гринцером для обозначения повествовательных произведений (прежде всего индийских), обладающих определенной композиционной структурой: «рамкой» и так или иначе «вставленными» в нее (иногда и друг в друга) сюжетами [Гринцер 1963: 3–5]. В своей работе «Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть)» П. А. Гринцер рассматривает в основном четыре индийских литературных сборника: «Панчатантру», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Жизнь Викрамы, или Тридцать две истории царского трона» и «Семьдесят рассказов попугая».

В монгольской литературной традиции в том или ином виде были представлены все четыре сборника. Известный востоковед Б. Я. Владимирцов в предисловии к переводу сборника сказок «Волшебный мертвец» отмечал, что среди монгольских народов, в том числе среди калмыков, особенно распространена и любима книжка, известная под названием «Сидди Кюр» («Волшебный мертвец»). Она представляет собой сборник сказок, имеющих близкую родственную связь с «Двадцатью пятью рассказами Веталы» [Владимирцов 1958: 10]. «Ветала, — поясняет академик Б. Я. Владимирцов, — род злых духов, вселяющихся в тела мертвых; также мертвец, в которого вселился ветала; по-тибетски ветала передается словом ро-ланг (ро-лангс), по-монгольски — кюр (кегюр)» [Владимирцов 1958: 8].

«Siditü kegür» («Волшебный мертвец») был первым монгольским обрамленным произведением, о котором узнала европейская наука. Еще в 1804 г. Б. Бергманн опубликовал немецкий перевод 13 сказок из калмыцкой версии этой книги [Bergmann 1805: 247–351]. В дальнейшем не-

однократно издавались оригиналы и переводы различных версий сборника.

Отмечая схожесть индийских «обрамленных повестей» с родственными им образцами монгольской словесности, Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный пишут: «Нечто противоположное произошло с другим индийским „обрамленным сборником“ — „Двадцатью пятью рассказами Веталы“, который у монгольских народов превратился также в „обрамленный сборник“, известный под названием „Волшебный мертвец“. Если „Панчатантра“ дошла до монголов без обрамления, лишь в виде отдельных сюжетов, то от „Двадцати пяти рассказов Веталы“, монголы взяли, напротив, лишь общую структуру обрамления, пересмыслив ее и наполнив другими сюжетами» [Дамдинсурэн, Серебряный 1981: 137].

Единственным «фольклорным сборником, сохранившим обрамление», вслед за Л. Леринцем, считается калмыцкая версия «Седклин кюр» («Задумчивый разговор») [Löginč 1967: 238; Надбитова 2008; 2011; Горяева 2009]. «Калмыцкий сборник стоит к прочим тибето-монгольским версиям «Волшебного мертвеца» примерно в том же отношении, как они сами к своим индийским прообразам: рамка (или ее общая структура) сохранена, но в нее вставлены совершенно новые элементы», — отмечают Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный [Дамдинсурэн, Серебряный 1981: 139].

В 1960 г. ученый-калмыковед Б. Букшаев подготовил и выпустил сборник калмыцких народных сказок, дав ему название «Седклин кюр» («Задумчивый разговор») [Седклин кюр 1960]. Сказки, вошедшие в это издание, были записаны от 60-летнего сказителя Муутла Буринова, жителя Городовиковского района Калмыцкой АССР. Сборник составляют одиннадцать сказочных сюжетов в рамочной композиции, часть из них в переводе на русский язык была позже опубликована в сборнике «Медноволосая девушка».

По свидетельству М. Э. Джимгирова, у калмыцкого писателя Хасыра Сян-Белгина имелась неопубликованная рукопись сказок, рассказанных в обрамлении: «Писатель записывал у сказителей Черноземельского района, что на востоке Калмыкии. Запись во многом отличается от опубликованного варианта „Седклин кюр“ „калейдоскопическим смешением форм, черт и мотивов“. Вступление фольклорного сборника со-

впадает с вступлением «Волшебного мертвеца», однако вместо семи волшебников здесь выведены целых двенадцать. Этот вариант стоит ближе к ранее опубликованным вариантам из цикла „Сидди кюр“, так как две сказки из одиннадцати, как мы отметили, аналогичны сказкам „Сидди кюр“, но они оформлены точно так же, как и типичные оригинальные народные сказки со всеми их особенностями», — отмечает М. Э. Джимгиров, характеризуя цикл сказок, записанный Х. Сян-Белгиным [Джимгиров 1970: 93].

Указывается исследователем и другая сказка «Семеро великих магов», опубликованная Лером, по своему содержанию очень близкая к вступительным рассказам Веталы и «Siditü kegür». В ней вместо Волшебного мертвеца фигурирует живой «святой» по имени Сиддиксор, который «так же, как и Ветала, остается при людях и приносит им долголетие. Люди становятся добродетельными, дела их процветают...» [Джимгиров 1970: 88].

На основании вышеуказанного М. Э. Джимгиров делает предположение, что «еще в то далекое время существовало, очевидно, два варианта рассказов Веталы (волшебного мертвеца) и живого святого. Ведь не случайно совпадение, когда почти через столетие записываем сказки «Седклин кюр» и тоже находим «живого святого» Арша Ики Ламу?... В письменной литературе, связанной в основном с буддийской религией, существовал, по-видимому, вариант «волшебного трупа» (Веталы), а в сказках, которые рассказывались и распространялись устным путем, фигурировал «живой святой» [Джимгиров 1970: 88].

Рассказы из литературного сборника «Siditü kegür» широко известны в калмыцком фольклоре, главным образом в виде отдельных, самостоятельных сюжетов без рамочного обрамления: «Знахарь со свиной головой», «Царевич и его друг министр», «Беломордый бычок», «Ловкий гордец и царь», «Сын брахмана, ставший царем», «Царица Энгэтию-Наран», «Лев и бык», «Ананда-плотник и Ананда-живописец», «Царь с ослиными ушами», «Царевичи Наран-Герел и Саран-Герел».

Анализ фольклорного сборника «Седклин кюр» показал, что здесь «обрамляющий» сюжет — это переосмысленное, согласно эстетике народных сказок, «обрамление» литературного сборника мон-

гольских народов «Волшебный мертвец». При этом инокультурные мотивы, образы и реалии переосмыслены или замещены на мотивы, образы и реалии, традиционные для калмыцкой культуры. Вставными сюжетами сборника «Седклин кюр» выступают типично народные калмыцкие сказки (волшебные, богатырские, бытовые) с присущими калмыцкому фольклору персонажами (*мусы, шулмусы, мангасы* и т. д.) и поэтико-стилевой структурой (например, традиционные формулы).

Сказки сборника «Седклин кюр» («Задушевный разговор») имеют следующее обрамление.

У бедных стариков было три сына. Старшие обучались у муса, но как только они овладевали чарами волшебства, то тут же расплачивались жизнью. Младшему удается незаметно познать тайны волшебства и обратиться в прекрасного коня. Отца он предупреждает, чтобы не продавал коня мусу и не отдавал уздечку. Мус через третье лицо покупает коня и держит его в темном месте. В отсутствие отца дети муса из любопытства открыли запретное место и, увидев прекрасного коня, повели его на водопой. Конь вырывается и, превратившись в рыбежку-малька, прыгает в реку. Мус, обратившись в щуку, бросается в погоню, в ходе которой беглец и преследователь постоянно меняют свой облик, превращаясь в разных животных и птиц (утка — ястреб, заяц — сокол соответственно). С помощью буддийского ламы младший брат добывает себе свободу. В устном варианте, как и в книжном, юноша превращается в главный шарик четок. Мус в образе курицы с семью цыплятами начинает склеивать зерна четок, рассыпавшихся и ставших пшеном. В этот момент юноша обретает человеческий облик и убивает курицу и цыплят.

Дабы искупить грех за убийство живых существ лама отправляет юношу за Арша Ики ламой, который рассказывает удивительные сказки и заканчивает их так искусно, что герой, нарушив запрет молчания, восклицает: «Энлм эн!» («То-то и оно!»). После чего «святой» исчезает, и герой снова возвращается за Арша Ики ламой [Седклин кюр: 7–10].

В устной традиции сохранена структура обрамления, но заменены лишь персонажи. Вместо семи волшебников, выступаю-

щих в «Sidity kegür», в обрамляющем сюжете сборника «Седклин күр» появляется мус — персонаж калмыцкой сказочной традиции. Именно к нему ходят учиться волшебству трое сыновей бедняков, тогда как в книжной версии искусство волшебства постигают два царевича. Герою не приходится испытывать те ужасы, которые описаны в «Волшебном мертвце», и отправляется он не за Волшебным мертвецом, а за живым Арша Ики Ламой, но и ему также необходимо доставить «живого святого», не произнеся ни одного слова.

Таким образом, можно заключить, что сюжеты калмыцких волшебных сказок, не нашедшие соответствий в СУС, и являются локальными сюжетами. Существование таких специфических сюжетов в сказочной традиции калмыков, прежде всего, обусловлено особенностями фольклора, связанного со своеобразным мировосприятием монгольских народов. Взаимодействие разных сюжетных типов в рамках одной сюжетной структуры придает калмыцким волшебным сказкам неповторимое своеобразие, так как создаются художественно целостные и законченные национальные произведения.

В процессе адаптации национальным фольклором литературных повествований переосмысливаются или замещаются не свойственные этнической культуре мотивы, образы и реалии. Анализ фольклорного сборника «Седклин күр» показал, что «рамка» устного сборника — это переосмысление обрамления литературного сборника монгольских народов «Sidity kegür» («Волшебный мертвец»), вставные или «обрамленные» сюжеты фольклорного сборника — это типично калмыцкие сказочные сюжеты с присущими калмыцкому фольклору персонажами (мусы, шулмусы, мангасы и т. д.) и художественно-изобразительными средствами.

Литература и источники

Архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 82.

Владимирцов Б. Я. Предисловие // Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Изд. 2-ое. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 7–11.

Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки / пер., пред. Б. Я. Владимирцова. Изд. 2-ое. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 159 с.

Горяева Б. Б. Сюжетный состав и художественно-стилевая структура калмыцкой волшебной сказки: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 150 с.

Горяева Б. Б. Контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки // Вестник КИГИ РАН. 2009а. № 2. С. 100–104.

Горяева Б. Б. Сборник «Седклин күр» в калмыцкой сказочной традиции // Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Элиста, 2009б. С. 544–547.

Горяева Б. Б. Контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки: сравнительно-сопоставительный анализ // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры бурят. филологии ИГУ (Иркутск, 23 апр. 2010 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2010. С. 191–196.

Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). М.: Наука, 1963. 268 с.

Дамдинсүрэн Ц., Серебряный С. Д. «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. 103 с.

Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.

Надбитова И. С. Цикл калмыцких сказок «Седклин күр» («Задуманный разговор») // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 9–14 мая 2007 г.). В 3-х частях. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 66–76.

Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАО «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.

Народное творчество Калмыкии. Сталинград; Элиста, 1940. 315 с.

Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М., 1963. 128 с. Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / пер., сост., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста, 2002. 239 с.

Седклин күр. Элст, 1960. 86 х.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Хальмг туульс. IV боть. Элст, 1974. 272 х.

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmücken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.

Kalmückische Sprachproben gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster teil. Kalmückische märchen II. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 237 s.

Lörincz L. Les «Contes du Cadavre Ensorcele» dans la literature et le folklore mongols // Acta Orientalia. Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1967. Tomus XX. Fasciculus 2. P. 203–238.

Thompson S. The types of the folktale: a Classification and Bibliography, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communications, N 3) / Transl., enl. By S. Thompson // FF Communications. Helsinki, 1961. N 184. 542 p.